

Грызунова Е. А., Москва

Глобальные кризисные тенденции современности

Аннотация

В статье рассматриваются характеристики кризиса как социального явления, виды кризисов и основные глобальные тенденции современности, оказывающие влияние на свойства кризисов и реализацию кризисного управления.

Ключевые слова: кризис, кризисное управление, глобализация, сложный социум, безопасность, риски, околополитика, масс-медиа, виктимизация, террор, скандалы, сложные системы

Рубеж XX-XXI вв. ознаменовал начало нового этапа развития общества, который характеризуется как «мировое общество риска» [8] и «эра кризисов» [16]. В условиях «сложного социума» [3] применяемые ранее стратегии кризисного управления не работают. «У нас множество ответов на кризисные формации прошлого; но сами вопросы изменились кардинально» [15, р. 5], - отмечает эксперт по управлению кризисами П. Лагадек.

Кризис как социальное явление

Под кризисом в социальных науках понимается «серьёзная угроза основным структурам или фундаментальным ценностям и нормам социальной системы, требующая принятия принципиальных решений в условиях дефицита времени и информации» [22, р. 10]. Кризисы могут охватывать социальные единицы различного уровня. *Социетальный кризис* охватывает всё общество, его основные системы, институты, отношения и процессы. *Системный кризис* – кризис экономической, политической или социокультурной социальной системы, а также экологический кризис, который тоже имеет социальную природу. *Институциональный* – кризис одного из институтов власти или общества. Также кризис может поражать *организации, локальные сообщества и малые социальные группы*.

В зависимости от причин можно разделить кризисы на следующие виды.

1. *Кризисы физического окружения* [16] вызваны бедствиями и чрезвычайными ситуациями (ЧС) различного характера. Они подразделяются на: 1.1. *природные*; 1.2. *техногенные*; 1.3. *природно-техногенные* [10] (если стихийные бедствия спровоцировали опасное загрязнение окружающей среды); 1.4. *биологические* (вирусные заболевания, распространение которых также может иметь экономические и другие социальные последствия).

2. *Конфликтные кризисы* можно подразделить на: 2.1. *конфронтационные кризисы* [16], намеренно спровоцированные действиями определённой группы интересов (профсоюзные организации, борцы за права человека, представители экологических движений и т. д.), осуществляемыми в рамках закона с целью оказать давление и добиться реализации своих требований; 2.2. *кризисы злонамеренного поведения* [16], вызванные криминальными или террористическими действиями со стороны групп, реализующих свои интересы путём дестабилизации или уничтожения организации, страны или экономической системы.

3. *Кризисы управления (организационные)* вызваны организационными проблемами, которые социолог Ч. Перроу подразделяет на следующие виды: 3.1. *организационный провал* (непреднамеренная ошибка в работе организации); 3.2. *должностной провал* (неправомерный риск руководства); 3.3. *должностное преступление* (преступные действия руководства); 3.4. *недостаток государственного регулирования отрасли* [19, р. xv, 291-326].

Кризисы обладают рядом амбивалентных свойств:

1. *Созидательно-разрушительными* (в зависимости от своего исхода, кризисы могут как спровоцировать разрушительные последствия, так и способствовать позитивным изменениям).

2. *Континуально-дискретными* [1] (переломный момент в развитии системы и многоэтапный управляемый процесс).

3. *Объективно-субъективными* (объективное нарушение системы и субъективное осознание ситуации как кризисной).

Глобальные кризисные тенденции современности

«Эру кризисов» [16] отличают следующие характерные черты:

1. Усиление трансграничного и транссистемного характера кризисов, превращение кризисов в «самоподдерживающийся процесс» [1], мутация кризисов за счёт комбинаций кризисных элементов.

2. Возрастание роли средств массовых коммуникаций (смк) и «массовых самокоммуникаций» [11] (новых медиа) в развитии кризисов, «виктимизации» [7] и сокращения времени кризисного реагирования.

3. Усиление фактора новых технологий в генезисе и усугублении кризисов.

4. Ослабление государства и усиление транснациональных корпораций (тнк), а также глобальных олигархических сетевых структур как причина амплификации кризисов.

5. «Политизация кризисов и их последствий» [1].

6. Усиление угроз, связанных с асимметричным противостоянием международным сетевым террористическим группам.

Рассмотрим более подробно данные кризисные тенденции.

1. Современные кризисы приобретают транснациональный или глобальный характер. Речь идёт об экономических, социальных, политических и экологических кризисных явлениях, преодоление которых требует объединения усилий на наднациональном уровне. Например, тесная взаимосвязь международных рынков приводит к финансовым потрясениям и экономическим кризисам во многих странах, самым ярким примером чего стал глобальный экономический кризис 2008 года. Социально-политические протестные и революционные движения 2011-2012 года также являются общемировым трендом, распространяясь поверх государственных границ. В связи с угрозами глобального потепления и другими экологическими рисками, требующими согласованных действий различных акторов, происходит процесс «глобализации экологических проблем в качестве социальных проблем» [8, p. 161].

Другое свойство современных кризисов – их транссистемность. Сложносоставные кризисы (террористические, экономические и экологические) могут наносить удар одновременно по нескольким системам функционирования общества (экономической, политической, социо-культурной, экологической), их первопричина также носит транссистемный характер.

В последние годы учёные выделяют несколько новейших типов кризисов:

1. *Транссистемный социальный излом* - критическое явление, которое распространяется поверх государственных границ и нарушает функционирование нескольких социальных систем (например, новые биологические и компьютерные вирусы) [20, p. 24-33].
2. *Социально усиленные кризисы и бедствия* – сочетание бедствий и социальных проблем (например, гибель социально незащищённых пожилых людей в результате жары в европе в 2003 году) [20, p. 33-35].
3. *Повреждение критической инфраструктуры* – разрушение инфраструктуры, важнейшей для функционирования общества и обеспечения безопасности (электроэнергия, телекоммуникации и т. д.) [9].

Данные виды кризисов требуют усовершенствования механизмов кризисного управления.

2. Исследователи дают различную оценку роли масс-медиа в кризисных ситуациях.

Теоретик социологии журналистики и массовых коммуникаций С. Коттл, используя термин У. Бека «инсценирование», рассматривает три формы инсценирования глобальных кризисов в масс-медиа:

1. *Глобальное наблюдение* (на примере вооружённых конфликтов).
2. *Глобальная фокусировка на событиях* (на примере кризисов, спровоцированных природными катастрофами).
3. *Глобальный спектакль* (на примере экологического кризиса, вызванного глобальным изменением климата) [12].

Часто традиционные средства массовой информации (СМИ) играют деструктивную роль в эскалации кризисов: ситуация не только незамедлительно становится достоянием общественности, но и нередко преподносится в гиперболизированных масштабах. Это явление подробно исследовал Д. Олтэйд, представитель символического интеракционизма в социологии. На основе контент-анализа СМИ он показывает, как они формируют «постоянное пространство виктимизации» [7, р. 188], в котором каждый индивид ощущает потенциальную угрозу. Возникает особая группа людей, которых можно условно обозначить термином «изображающие жертву». Они не находятся в зоне риска, однако на основе навязчивых медиа-сообщений примеряют на себя роль жертвы [21, р. 13]. Действия этой категории населения часто направлены на критику властей и усугубление коллективного стресса, что усиливает масштаб кризисной ситуации.

В то же время социологи Дж. Александер, Р. Джейкобс [6] и С. Коттл [13] отмечают, напротив, функциональную роль масс-медиа в разрешении кризисных ситуаций. Общественность, будучи осведомлённой о кризисной ситуации, оказывает давление на государство и другие задействованные организации, что «предоставляет гражданскому обществу великую возможность для социальных изменений» [6, р. 28].

Новые медиа обладают потенциалом для провокации и усиления кризисных явлений. Возможности «массовой самокоммуникации» [11] имеют негативную сторону, способствуя пропаганде терроризма и насилия, распространению дезинформации, инициированию скандалов и провокаций.

Интернет-ресурсы, в особенности социальные сети, способны мобилизовать общественность на массовые акции. Формирование протестных акций в Интернете происходит одновременно за счёт целенаправленного управляющего воздействия и спонтанной самоорганизации, что осложняет анализ, нормализацию социальной ситуации и противодействие её возможному кризисному обострению.

Кроме того, новые медиа сократили до минимума период кризисного реагирования. Ранее у организаций были сутки на то, чтобы подготовить публичную реакцию до выхода новостей, но в новых медиа сообщения распространяются мгновенно [14].

3. Развитие новых технологий увеличивает уровень рисков в производственных процессах. Социолог Ч. Перроу предложил термин «нормальная авария», который обозначает, что в сложных технологических комплексах невозможно создать систему безопасности, полностью исключая возникновение аварий [18]. Как утверждает теоретик социологии управления А.В. Тихонов, «по мере роста сложности управляемой системы, точный расчёт необходимых команд <...> становится принципиально невозможным, несмотря на массовую компьютеризацию. На определённом этапе движения в этом направлении система идёт вразнос, объект становится неуправляемым» [5, с. 162]. Эта особенность искусственных технических систем, по мнению социолога У. Бека, принципиально отличает наступившую эпоху Второго модерна: «Чем совершеннее последствия, интегрированные в технические системы, тем очевиднее и окончательнее утрачивается наш контроль над ними» [2, с. 152].

В то же время, как отмечает Ч. Перроу, нормальные аварии в чистом виде встречаются редко. «Гораздо чаще системы с катастрофическим потенциалом выходят из строя по причинам неэффективных механизмов регулирования, игнорирования предупредительных сигналов, чрезмерной эксплуатации, сокращения расходов, необученного персонала и т. д.» [17, р. 51]. Среди мер по минимизации техногенных кризисов Ч. Перроу выделяет: мониторинг уязвимостей на государственном уровне; усиление государственного регулирования; деконцентрацию (разукрупнение) предприятий с потенциально высокими техногенными рисками, что позволит улучшить как внешний, так и внутренний контроль [17; 19].

Среди технических факторов кризисов следует особо упомянуть использование ИКТ (информационно-коммуникационных технологий) во всех ключевых областях жизнедеятельности общества, что позволяет относить данную сферу к критической инфраструктуре [9]. К угрозам безопасности ИКТ относятся компьютерные вирусы и сбои, атаки хакеров, кибертерроризм, электронное мошенничество. Причины данных проблем часто заключаются не в технических, а в социальных организационно-управленческих факторах, таких как недостаток организационной ответственности в вопросах безопасности, некомпетентность, злонамеренные действия инсайдеров.

4. Можно обозначить несколько мировых тенденций, которые в последние годы привели к ослаблению государства, усилению ТНК и глобальных олигархических сетей, при этом усугубив кризисные тенденции: глобализация, либерализация, приватизация и уменьшение государственного регулирования.

По мнению У. Бека, иллюзорная подмена политического дискурса экономическим угрожает законности и безопасности, обеспечение которых возможно только в политическом контексте. Крупные ТНК не только стремятся уйти от уплаты налогов в пользу оффшоров, что напрямую влияет на дееспособность государства в вопросе обеспечения безопасности, но и сами по себе являются источником рисков и кризисов, отдавая приоритет экономической выгоде [2] (пример компании «BP» [19, р. xv-xxviii]). Сокращение госрегулирования при расширении возможностей лоббирования политических решений усиливает уязвимость общества перед лицом кризисов и ЧС.

Как отмечает доктор философских наук И.Ю. Сундиев, современное общество переживает «кризис суверенизации», при котором суверенность от государств переходит к межгосударственным объединениям и транснациональным корпорациям, а на современном этапе – к сетевым олигархическим структурам, имеющим большой кризисный потенциал даже по сравнению с ТНК, «которым категорически нужна стабильность в обширных районах производства и на широких рынках сбыта» [4, с. 44-45].

Как утверждает У. Бек, «все кризисы, конфликты и катастрофы, порожденные глобализацией <...> усиливают призыв к космополитическому режиму» [2, с. 376]. У. Бек полагает, что только космополитическое государство сможет противодействовать рискам и кризисам современности.

В связи с глобализацией и «ослаблением значения национального государства» социолог Э. Карантелли и эксперты по кризисам П. Лагадек и А. Бойн отмечают «увеличение количества новых социальных акторов» в кризисном управлении [20, р. 32]. В современных условиях противодействие кризисам превращается «в субъект совместной деятельности частных и государственных субъектов управления» [1, с. 43], в частности, «возрастает роль транснациональных и международных организаций», в том числе неправительственных, в управлении кризисами [20, р. 32].

Системный аналитик Б. Порфирьев и эксперт по ЧС В.А. Акимов оценивают данный фактор преимущественно как негативный, отмечая, что «информация, знания и сами эксперты и специалисты по менеджменту кризисов становятся разделенными» [1, с. 43]. Однако Э. Карантелли, П. Лагадек и А. Бойн видят в увеличении числа акторов скорее положительное значение для кризисного управления, поскольку современные сложные кризисные явления, которые часто носят трансграничный и транссистемный характер, лучше управляемы не традиционными формальными организациями, а социальными сетями. Они образуют «социальный капитал (в социологическом значении), который будет иметь возрастающее значение при преодолении бедствий и кризисов» [20, р. 32].

5. Как отмечают аналитики В.А. Акимов и Б.Н. Порфирьев, кризисы всегда имели отношения к политической сфере, однако на сегодняшний день мы можем говорить о беспрецедентной «политизации кризисов и их последствий» [1, с. 43]. Это связано с такими тенденциями как: расширение сферы политического; появление новых политических акторов, в том числе

на транснациональном уровне; распространение технологий искусственного раздувания кризисов для управления общественным мнением и «чёрного пиара» в политических играх и конфликтах.

По мнению У. Бека, «общество превращается в *(около)политическое* в результате «побочных эффектов» глобальных опасностей» [8, р. 94]. Термин «околополитика» подразумевает, что самоорганизующиеся негосударственные политические акторы приобретают возможности политического влияния. В качестве акторов «глобальной околополитики» У. Бек рассматривает: международные неправительственные организации, официальные международные организации неполитической (как правило, экономической) направленности, террористические организации [8, р. 93-108].

Как отмечает социолог М. Кастельс, в последние годы в политических противостояниях усилилась роль скандалов и провокаций [11, р. 240-264]. По словам М. Кастельса, «*медиа политика и политика скандалов способствуют мировому кризису политической легитимности*» [11, р. 295].

По оценкам экспертов, «в будущем увеличение числа участников кризисов, усложнение причин и форм реализации кризисов будет способствовать усилению тенденции их политизации, все чаще превращая участников кризисов в политических игроков, а сами кризисы – в арену высокой, в том числе международной, политики» [1, с. 44].

6. Действия различного рода террористических сетевых групп являются одним из существенных факторов амплификации кризисных явлений.

Эксперт по кризисам П. Шривастава анализирует террор как социальное явление через призму рисков и кризисов, отмечая системные, организационные, идеологические и индивидуальные социально-психологические факторы террора. На структурном уровне причиной террористических кризисов являются проблемы и противоречия в основных системах общества: экономической, социальной, политической.

Как отмечает П. Шривастава, террористические акты ведут к различным формам кризисных проявлений. Помимо очевидных физических и материальных последствий, они могут стать причиной кризисов политической, социальной, финансово-экономической систем, морально-психологического кризиса общества, военных конфликтов, деструктивных экологических последствий, нарушения социальных структур, угрозой имиджу и репутации как организаций, так и отдельных личностей. Последствия террористических кризисов не ограничены по времени и могут проявляться в течение десятилетий [23].

Библиографический список

1. Акимов В.А., Порфирьев Б.Н. Кризисы и риск: к вопросу взаимосвязи категорий // Проблемы анализа риска. 2004. Том 1, № 1.
2. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция, 2007.
3. Кравченко С.А. Переход к сложному, нелинейно развивающемуся социуму: вызовы для России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 1.
4. Сундиев И.Ю. Компоненты глобального кризиса и криминальные вызовы российскому обществу // Экономические стратегии. 2009. № 1-2.
5. Тихонов А.В. Социология управления. Теоретические основы. М: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009.
6. Alexander, J.C., Jacobs, R.N. Mass Communication, Ritual an Civil Society // Liebes, T., Curran J. (eds.) Media, Ritual and Identity. London: Routledge, 1998.
7. Altheide, D. L. Creating Fear: News and the Construction of Crisis. New York: Aldinede Gruyter, 2002.
8. Beck, U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2009.
9. Boin, A., McConnell, A. Preparing for Critical Infrastructure Breakdowns: The Limits of Crisis Management and the Need for Resilience // Journal of Contingencies and Crisis Management. 2007. Vol. 15, № 1.
10. Brunsmas, D., Picou, J.S. Disasters in the Twenty-first Century: Modern Destruction and Future Instruction // Social Forces. 2008. Vol. 87, № 2.
11. Castells, M. Communication Power. New York: Oxford University Press Inc., 2009.
12. Cottle, S. Global Crises in the News: Staging New Wars, Disasters, and Climate Change // International Journal of Communication. 2009. № 3.
13. Cottle, S. Mediatized Public Crisis and Civil Society Renewal: The Racist Murder of Stephen Lawrence // Crime, Media, Culture. 2005. № 1.
14. Lacombe, D. Social Media in a Crisis, the New News Cycle. 21.02.2011. URL: <http://www.communicatto.com/2011/02/21/social-media-in-a-crisis-the-new-news-cycle> (Дата обращения: 28.06.2012).
15. Lagadec, P. Risks, Crises, Ruptures: A Whole New Ball Game // Baud, J., Walton, C. International Security. Cooperation: Views and Visions. Centre for International Security Policy (CISP), 2004.
16. Lerbinger, O. The Crisis Manager: Facing Disasters, Conflicts, and Failures. NY: Routledge Communication Series, 2012.

17. Perrow, Ch. Fukushima and the Inevitability of Accidents // Bulletin of the Atomic Scientists. 2011. Vol. 67, № 6.
18. Perrow, Ch. Normal Accidents: Living with High Risk Technologies. New York: Basic Books, 1984.
19. Perrow, Ch. The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton University Press, 2011.
20. Quarantelli, E.L., Lagadec, P., Boin, A. A Heuristic Approach to Future Disasters and Crises: New, Old and In-between Types // Rodriguez, H., Quarantelli, E.L., Dynes R. Handbook of Disaster Research. New York: Springer, 2006.
21. Reynolds, B. Crisis and Emergency Risk Communication, 2002. URL: <http://www.bt.cdc.gov/cerc/pdf/CERC-SEPT02.pdf> (Дата обращения: 28.06.2012).
22. Rosenthal, U., Charles, M., 't Hart, P. Coping with Crises: The Management of Disasters, Riots and Terrorism. Springfield, MA: Charles C. Thomas, 1989.
23. Shrivastava, P. Managing Risks in the Age of Terror // Risk Management: An International Journal. 2005. Vol. 7, № 1.